

Ду Ань тоже пришёл в себя, поняв, что его молчание могло быть неверно истолковано, и поспешил добавить:

— Да, это действительно хорошо. Братец Ба, ты только что был так внушительно, что даже нас, не видавших такого, напугал.

Он принялся им в тарелки гарнир подкладывать:

— Давайте есть, наш Цзинь-эр уже голоден.

Чжао Ба и Фан Шэн окончательно расслабились. Отлично, никакой неловкости, ещё и сказали, что хорошо! Пусть даже слова их не вполне искренни, ясно одно: разрыва отношений не будет.

Сняв с сердца камень, Чжао Ба голод тут же почувствовал. Лапша такая ароматная, да ещё специально для него приготовленная — иметь брата, который готовить умеет, это благодать. Ел он, поглядывая на семью Ду, и чувствовал, как они ему родными становятся. На Фан Шэна посмотрел: теперь можно не переживать, жизнь пойдёт своим чередом, и семьи их станут ещё ближе.

Фан Шэн, откушав лапши, наконец её вкус почувствовал. Он был рад, что семья Ду их поняла и даже одобрила. Неожиданно, но приятно. Хоть слова их и были немного путанными, ни капли осуждения в них не было. Обрадовавшись, он снова смутился. Ел, голову опустив, боясь встретиться с насмешливым взглядом Ду Чжунпина.

Ду Чжунпин был занят — кормил Цзинь-эра, который сам с лапшой не справлялся. Руки заняты, а мысли не останавливались. Слова, что он сказал, чтобы их успокоить, были искренни. Он и вправду считал, что Фан Шэн и Чжао Ба хорошо подходят друг другу.

Во-первых, из их рассказов было ясно: они через многое вместе прошли, друг друга в трудные минуты поддерживали. На поле боя своим пайком с другим поделиться — какая ж дружба для этого нужна? Когда Фан Шэн заболел, Чжао Ба жизнью рисковал, чтобы деньги на лечение добыть. Даже обычные супруги не всегда на такое способны. Во-вторых, за свою жизнь Ду Чжунпин насмотрелся, как женщины отношения разрушают. Если честно, он предпочёл бы, чтобы Чжао Ба и Фан Шэн вместе остались, чем позволить чужой женщине между ними встать и такую редкую, такую ценную дружбу разрушить.

Ду Ань тем временем окончательно в себя пришёл. Честно говоря, на юге отношения меж мужчинами куда как более обычны были, но когда это близких людей касается, он растерялся. По его разумению, ничего в этом плохого нет. Разве двое мужчин, что вместе жизнь строят, не лучше тех, что притворяются праведниками, а сами вору да прелюбодеи? Своим хозяйством они никому не мешают. Уж точно лучше, чем позволить кому-то на ухо нашептывать да родных детей чужим отдать!

Вспомнив об этом, Ду Ань не удержался:

— Братец Ба, ну зачем ты так резко всё выложил? Ты только что на нас так смотрел, словно съесть хотел! Если б раньше сказал, я бы ту сваху сразу вон выпроводил, и не пришлось бы нам переживать.

Чжао Ба, теперь полностью довольный, лишь улыбался, не возражая.

Фан Шэн заметил:

— Вы оба, как и положено Ду, умеете вину на других перекладывать!

Ду Чжунпин удивился:

— При чём тут я? Как это мы вину перекладываем?

— Мы с братцем Ба никогда от вас не скрывались, всё как есть. Вы же либо притворялись, что не видите, либо впрямь не замечали, а теперь братца Ба вините, что он раньше не сказал. Как ещё он вам мог сказать? В ухо кричать? — Фан Шэн сдержать смех не мог. Целую зиму вместе просидели, а они так и не поняли, какие эти двое близкие.

Семья Ду смутилась. Теперь, оглядываясь назад, они понимали: эти двое и впрямь необыкновенно близки. Даже родные братья не всегда так дружны. Но всё, что они делали, было так естественно, так само собой разумелось, что и мысли иной не возникало.

Последующие дни семьи стали ещё ближе, всё вместе делали. Особенно Цзинь-эр — за то, что в тот неловкий момент правильно себя вёл, его все просто залюбили, ни в чём не отказывали.

Однако было заметно: Чжао Ба и Фан Шэн всё ещё не вполне уверены, будто принятие их оказалось слишком неожиданным, нереальным.

Чжао Ба с Ду Анем занялись заточкой мотыг — после праздника Дуанью прополка начнётся, инструмент надо готовить.

Но со ста с лишним му земли, что у двух семей было, справиться в одиночку нереально. Прополка была куда тяжелее посадки. Опытные земледельцы говаривали: «Три прополки да три вспашки с одной обработкой». После каждой прополки поле вспахивать надо, и за лето три таких круга. Когда урожай в человеческий рост вырос, плуг уже не пройдёт — приходилось вручную, по пояс в стеблях, сорняки вырезать. Это и называлось «обработка борозд». Работа адская, самая тяжкая за весь год.

Потому Ду Ань и предложил Чжао Ба:

— Братец Ба, наш Пин-гэ — учёный, к тяжёлому труду не привык, по хозяйству не силён, так что пусть Шэн-гэ ему с делами домашними помогает. С прополкой нам вдвоём не управиться, лучше работников со стороны нанять. И нам легче, и урожаю не навредим. Как думаешь?

Чжао Ба же, держа в руках мотыгу, уже до блеска наточенную, всё её оселком водил, будто и не слышал. Ду Ань голос повысил, окликнул его, толкнул — тот очнулся:

— А? Что сказал?

Ду Ань, вздохнув, повторил. Предложение пришлось Чжао Ба по душе. Прополка — труд нелёгкий. Первый и второй раз — под палящим солнцем, согнувшись в три погибели, пот с тебя ручьём льётся. Третий раз — когда кукуруза да гаолян уже поднялись, — и вовсе мучение: в заросли, где ни зги не видно, лезешь, душно, листья по коже режут, пыльца чешется.

Чжао Ба сразу согласился, но в их деревне у всех земли много, свободных рук нет. Придётся в других деревнях искать. К счастью, в прошлом году много переселенцев на новые земли приехало. Те, кто, как семья Ду, средства имел да в деревне Цинню обосновался, жили спокойно. А у кого денег не было да земли плохие достались, те, несмотря на казённое зерно, чтобы зиму пережить, свои наделы закладывая вынуждены были. Потому в этом году много работников по окрестностям шаталось. Вот только они с Ду Анем чужих деревень не знали,

пришлось Второго брата Ли просить — пусть найдёт работников честных, усердных, без хитрости. Плата — дело второе, главное — землю не испортить, а то урожая не видать.

Дело обсудили, и Ду Ань не удержался:

— О чём задумался? Ты ж не из тех, кто мысли таит, всегда прямо говоришь.

Чжао Ба на мгновение замер, потом лицо рукой провёл:

— Да так... Думал, как вы так быстро всё приняли. Бывшие мои братья по оружию, с кем жизнь и смерть делил, — те, узнав, общаться перестали. Честно говоря, в тот день я рад был, но потом думать начал — не верится как-то.

Ду Ань не ожидал, что Чжао Ба всё ещё переживает. Видно, чтобы он успокоился, нужно объяснить. Подумав, сказал:

— Не то чтобы быстро приняли. Просто мы женщин побаиваемся. Молоды, но насмотрелись, как они семьи разлаживают. Даже на юге, если б не те, что на ухо нашему хозяину нашептывали, нам бы с родных мест срывать не пришлось.

Чжао Ба не нашёлся, что ответить. История семьи Ду сложная была. Он лишь похлопал Ду Аня по плечу:

— О прошлом не думай. Вперёд смотри. Здесь тоже неплохо. И если б вы не приехали, мы б не встретились. Это судьба, нам братьями быть.

<http://bllate.org/book/16286/1467590>